

П. Петрович (Белград, Республика Сербия)

Два сербских путевых очерка о Советской России

Аннотация: В статье представлены два сербских путевых очерка, опубликованных в Белграде в 1928 г.: «Впечатления из России» («Утисци из Русије») литератора Драгиши Васича и «Впечатления о России» («Импресије из Русије») скульптора Сретена Стояновича. По случаю празднования десятилетия Октябрьской революции Васич и Стоянович в качестве журналистов провели в Москве и Ленинграде два месяца. Движимые необычайным уважением и любовью к русской культуре, они хотели познакомить сербскую общественность с социальной, политической и культурной жизнью нового государства. Оба путевых очерка подчеркивают образ советского общества, в котором все еще есть конфликт между традиционными и новыми ценностями, постепенно, но верно утверждаемыми. Особое внимание авторы уделяют русскому искусству того времени, прежде всего театру. Оба путевых очерка являются важным литературным и документальным свидетельством образа Советской России, сформированного в глазах сербской культурной общественности в период между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: путевой очерк, Россия, Драгиша Васич, Сретен Стоянович, искусство, коммунизм

P. Petrovic (Belgrade, Republic of Serbia)

Two Serbian Travelogues about Soviet Russia

Abstract: The paper presents two Serbian travelogues published in 1928 in Belgrade: Impressions from Russia (Утисци из Русије), by the writer Dragiša Vasic and Impressions from Russia (Импресије из Русије) by the sculptor Sreten Stojanovic. On the occasion of marking the tenth anniversary of the October Revolution, Vasic and Stojanovic, as journalists, had the opportunity to spend two months in Moscow and Leningrad. Driven by great respect and love for Russian culture, they wanted to acquaint the Serbian public with the social, political and cultural life in the new state. Both travelogues emphasize the image of Soviet society in which there are still conflicts between traditional and new values that are gradually but surely being established. The authors pay great attention to the Russian art of that time, primarily to the theater. Both travelogues are important literary and documentary evidence of the image of Soviet Russia that was formed in the Serbian cultural public in the period between the two world wars.

Key words: travelogue, Russia, Dragisha Vasic, Sreten Stojanovic, art, communism

Большинство исследователей путевых очерков сходятся во мнении, что в европейской литературе этот жанр пережил свой «золотой век» в период между двумя мировыми войнами¹. То же самое можно сказать и о сербской литературе. В двадцатых и тридцатых годах прошлого века были изданы книги «Любовь в Тоскане» («Љубав у Тоскани») Милоша Црњанского, «Африка» («Африка») Растка Петровича и «Города и химеры» («Градови и химере») Йована Дучича, которые являются одними из лучших сербских путевых очерков. Сербские писатели по большей части путешествовали по берегам Средиземного моря и писали о городах Западной Европы. К этому периоду относятся и несколько путевых очерков, вдохновленных пребыванием в России. Первым в 1924 г. был опубликован сборник «Русские шествия» («Руске поворке») Станислава Винавера. Этот выдающийся поэт-авангардист и эссеист стал свидетелем Октябрьской революции. В своих текстах он описал драматические дни, когда рушился старый и устанавливался новый, социалистический общественный порядок. В отличие от американского журналиста Джона Рида, который в своей знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир» (1919) писал о лидерах большевиков, принимающих важные для судьбы государства решения, Винавер был на московских улицах. Он разговаривал с анонимными напуганными людьми, которые воспринимали революцию как стихию, сметающую все на своем пути. В последние годы книга Винавера издавалась несколько раз, и о ней много писали². В отличие от нее, рассматриваемые в данном тексте путевые очерки менее известны как специалистам, так и широкой публике.

По случаю празднования десятилетия Октябрьской революции два сербских деятеля искусства: литератор Драгиша Васич (1885–1948) и скульптор Сретен Стоянович (1898–1960) – вместе находились в России в качестве журналистов. В 1928 г. они оба опубликовали путевые очерки с похожими названиями. Книга Васича называется «Впечатления из России» («Утисци из Русије»), а книга Стояновича – «Впечатления о России» («Импресије из Русије»). Книга Васича на десятилетия была забыта из-за идеологической непригодности ее автора в период после Второй мировой войны. Снова издана она была лишь в конце прошлого века. А книга Стояновича после своей первой публикации никогда больше не переиздавалась.

Важно напомнить, что тогдашнее Королевство сербов, хорватов и словенцев и СССР находились в очень напряженных политических отношениях, поскольку между двумя странами были непреодолимые идеологические барьеры. Королевский режим в Белграде запретил деятельность сербской коммунистической партии и наложил строгие санкции на всех ее членов, приняв в то же время большое количество русских эмигрантов. В межвоенный период в Белграде жило и творило множество русских деятелей искусства, среди которых отдельное место заняли архитекторы: Николай Петрович Краснов, Сергей Николаевич Смирнов, Григорий Иванович Самойлов³. В Сербии высоко ценили русское искусство и культуру, несмотря на официальные разногласия с советским правительством. Движимые необычайным уважением и любовью к русской культуре, Драгиша Васич и Сретен Стоянович хотели познакомить сербскую общественность с социальной, полити-

¹ Blanton C. Travel Writing: The Self and the World. New York: Routledge, 2002. P. 15.

² Тешић Г. Случај Руских поворки Станислава Винавера // Винаверово огледало. 2017. №2. С. 252–267.

³ См. об этом: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русское Зарубежье: Русский путь, 2005. С. 341–342.

ческой и культурной жизнью новой, Советской России. В кратких предисловиях к своим книгам оба автора подчеркивают, что русский народ с его традициями, языком и обычаями был и остается близок сербскому народу, несмотря на новые социальные и политические условия. Наряду с важной документальной ценностью, их путевые очерки имеют и высокую литературную ценность.

Васич и Стоянович прибыли в советскую страну, где после революции и гражданской войны все более интенсивно развивалась экономика, а все сферы общественной жизни были организованы согласно директивам партии. Установился культ личности Ленина, за которым смутно различалась фигура нового правителя – Сталина. Этот образ Ленина, изменивший ход истории, который даже после своей смерти держит судьбу страны в своих руках, лучше всего иллюстрирует картина из заметок Васича, где представлена великолепная панорама Москвы, показанная с одной из смотровых площадок:

«А наверху покоились будто навсегда остановленные огромные церковные колокола. Затем нашему взгляду предстал самый известный город с золотыми куполами, золотыми башнями и золотыми крестами. Бесчисленные колокола повсюду пребывали все в том же ужасном молчании. А там, под Кремлем, в деревянном мавзолее (первый мавзоль был деревянным. – П.П.), находилась рука, их остановившая!»¹

Первые главы путевого очерка Васича очень информативны, иногда они обретают форму газетных репортажей. Автор хочет рассказать сербскому читателю об устройстве советского государства и усилиях коммунистической власти по построению нового общества. Как и Джон Рид, Васич по большей части бывает в государственных учреждениях в Москве, где принимаются законы или исполняются решения. Вся первая часть путевых записок посвящена темам организации власти, политических прав, брачного законодательства и семейных отношений, борьбы с проституцией и за право женщин на аборт. В стремлении подчеркнуть гуманистические ценности, к которым в то время стремилось советское общество, порой эти главы имеют весьма похвальный тон. Эти ценности – справедливость, борьба с бедностью, право на образование. В то же время Васич отмечает, что на улицах Москвы есть и недовольные граждане. Уже на первой прогулке автор встречает женщину, проклиняющую вождя революции: «Вот что Ленин с нами сделал! Посмотрите! На мне и дьявола нет! Слово собаки разорвали меня на части! Вот что он с нами сделал, будь он проклят!»² Именно такие фрагменты повествования Васича придают путевым очеркам живость и непосредственность, вносят драматические, трагические, а иногда и юмористические тона. Хотя он и подчеркивает, что во время своего пребывания в России он разговаривал как с самыми горячими сторонниками, так и с яростными противниками советской власти, очевидно, что Васич отдает предпочтение первым, не упуская возможности критически высказаться о царском режиме, ссылаясь в том числе на «литературные» аргументы: «Одновременно человек понимает, что двух мнений быть не может о власти, которая настроила против себя Пушкина, Достоевского или Толстого»³.

Васич посетил и одну из московских тюрем и записал разговоры с осужденными. В основном среди них были бывшие царские офицеры, обвиняемые в различных преступлениях. Васичу они кажутся напуганными и сбитыми с толку людьми, трагическими фигурами бурного времени. На вопрос о своей вине все они отвечают кратко,

¹ *Васић Д.* Утисци из Русије. Београд: Живот и рад, 1928. С. 18.

² *Васић Д.* Утисци из Русије. С. 15.

³ *Васић Д.* Утисци из Русије. С. 48.

заводя затем разговор о своих семьях, ждущих их детей и надежде увидеть их снова. Еще большее впечатление на Васича производит посещение дома, где содержатся дети-сироты. Наблюдая, как они слушают лекции о революции, Ленине и построении нового, справедливого общества, Васич замечает в их глазах бездонную печаль, которую невозможно вылечить громкими словами и политическими лозунгами.

Путевой очерк Стояновича в отличие от очерка Васича больше фокусируется на авторах и явлениях в современном русском искусстве. Уже в первой главе есть несколько живописных портретов русских художников и скульпторов, с которыми ему довелось познакомиться в Москве. Наибольшее впечатление на Стояновича произвел Василий Васильевич Рождественский. В то время этот художник обратился к реалистической манере и создавал на своих полотнах монументальные сцены и отдельных персонажей. У Стояновича складывается впечатление, что новые русские художники излишне тенденциозны в представлении революции и социальной реальности. Однако в разговоре они отмечают, что вопросы формы и композиции для них также являются важными. Им не хватает контактов с художественными кругами Европы. Они хотят проводить выставки в западных столицах, потому что верят, что «новое русское искусство возродит старую Европу»¹.

Оба путевых очерка подчеркивают образ советского общества, в котором все еще существует конфликт между традиционными и новыми ценностями, постепенно, но верно утверждаемыми. После беспрецедентного исторического перелома, ужасов гражданской войны и иностранной интервенции России удалось добиться огромного экономического прогресса, и Васич отмечает, что никто не вправе это оспаривать. Однако затем он добавляет: «С другой стороны, не беря в расчет коммунистическую элиту, я с изумлением наблюдал: какая бездонная пустота духа зияла со всех сторон, я окаменел от этой пустоты, в которой нигде нельзя было почувствовать душу»². Васич видит это опустошение в пропасти между многовековой православной традицией и коммунистической идеологией, которая спустя десять лет после Октябрьской революции не предлагала никакой альтернативы христианской духовности. А о том, что духовность эта не искоренена, свидетельствовал один эпизод в путевом очерке Стояновича. Прогуливаясь по улицам Москвы, он заметил на маленькой полуразрушенной церкви надпись: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Сербский художник недоумевал, как понять это послание: «Должна ли Богородица спасать верующих от коммунистов или и тех и других от зла? Или Россию от англичан, или же граждан и крестьян от быстрой индустриализации?»³

Несмотря на то что большую часть времени своего пребывания в России Драгиша Васич и Сретен Стоянович провели в Москве и Ленинграде, наибольшую литературную ценность в их путевых очерках имеют части, посвященные русской деревне. Они провели несколько дней в подмосковном селе Павловское. Описывая зимнюю идиллию, Стоянович вспоминает картины русской зимы, воссозданные в романах Толстого: «Меня охватил дух давних времен, когда я читал о русской зиме, тройке и всех тех симпатичных и милых лицах, которые теперь появлялись у меня перед глазами. Мне кажется, я почувствовал тепло рабочего кабинета Толстого, из которого вышли Наташа Ростова, и Пьер Безухов, и старый, дорогой, русский и наш Кутузов»⁴. Как отмечают самые новые исследователи путевых

¹ Стојановић С. Импресије из Русије. Београд: Новости, 1928. С. 10.

² Васић Д. Утисци из Русије. С. 104.

³ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 66.

⁴ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 27.

очерков, писатели, путешествующие по стране, одновременно перемещаются по текстам, написанным об этой местности. То же самое случилось и с сербскими литераторами, в памяти которых время от времени всплывали многочисленные строки из романов и стихов русских писателей и поэтов, потому как невозможно понять Россию без ее великолепной литературы.

В главе о русской деревне Стоянович с воодушевлением описывает покрытую снегом природу, особенно стройные серебристые березы, «которые, словно тонким кружевом, покрывают небо по всей России»¹. Однако экономическая реформа дошла и до деревни: здесь строятся оросительные каналы и железная дорога, уже прибыли молодые и амбициозные агрономы, которые учат крестьян, как добиваться высоких результатов в сельскохозяйственных работах. Просторный дом, в котором когда-то жили дворяне, переоборудовали в медицинский пункт и школу. Примечательно, что вместе с новыми ценностями, которые в государственных учреждениях олицетворяет образ Ленина, в деревне продолжает жить традиция православия. В деревенских домах до сих пор горят лампы у икон святых. Во время разговора с одним из агрономов внимание Стояновича привлекает молодая женщина, хлопчущая над обедом: «Казалось, что мы где-нибудь в Сербии, что нас принимает наша (сербская) хозяйшка, заботящаяся о том, чтобы все наши желания были исполнены»². Гостеприимство этих простых душевных людей произвело на писателей-путешественников сильное впечатление. В книге Васича также описывается деревня, особенно люди, которые хотят поговорить с иностранцами:

«Пора прощаться, уже совсем стемнело. Мы сердечно пожимаем всем руки, благодарим и садимся в машину. Чуть позже село Павловское остается позади, во мраке улиц и в необычном сиянии душ этих добрых людей»³.

Тот факт, что Васич часто упоминает фотосъемку некоторых сцен или встречаемых им людей, свидетельствует об изменениях, которые произошли в жанре путевого очерка в двадцатых годах прошлого века. Эти фотографии не были воспроизведены в самом тексте, однако путевой очерк Стояновича изобилует рисунками, карикатурами из советской прессы и репродукциями значимых произведений изобразительного искусства. И в этом мы чувствуем огромное желание автора познакомить сербских читателей с культурой и повседневной жизнью России.

Сербские писатели-путешественники посвящают внимание и русскому театру. «Нигде в мире нет таких театров, как в России, и нигде их нет лучше, чем в Москве», – пишет Сретен Стоянович⁴. Ведущие деятели театральной жизни – Станиславский и Мейерхольд, с одинаковым успехом они режиссируют и классические и современные драмы. Наибольшее впечатление на Стояновича произвели три театральные постановки: «Рычи, Китай!» по пьесе Сергея Третьякова, «Любовь Яровая» писателя Константина Тренева и «Цемент» – адаптация романа Федора Гладкова. В отношении первой постановки сербский автор выражает свое недовольство из-за подчеркнутой пропаганды революционных идей, ставящей под сомнение ее художественную ценность. Однако в конце спектакля происходит изменение, и зритель чувствует, как в душу его проникает мощный гуманистический посыл и понимание близости всех людей в мире: «Только тогда, в самом конце, чувствуешь, что это не обычный тенденциозный спектакль, а что-то выхваченное из жизни, пропи-

¹ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 32.

² Стојановић С. Импресије из Русије. С. 31.

³ Васић Д. Утисци из Русије. С. 58.

⁴ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 42.

танное правдой и художественной силой»¹. «Любовь Яровая» – драма о революции и гражданской войне. Стоянович заморожен персонажами с сильными характерами, страстно верящими в свои политические идеалы и страдающими из-за этого. Тем не менее самую высокую оценку он дает постановке «Цемент». Хотя действие и разворачивается в послереволюционное время, борьба между старым и новым укладом жизни все еще продолжается, внося потрясения в жизнь обычной русской семьи. Вот почему Стоянович подчеркивает, что тот, кто хочет понять проблемы, стоящие перед Россией того времени, должен пойти в русские театры и посмотреть эту драму, в которой есть и политизированность, и идеализация, и страсть, но прежде всего – жизнь во всей своей неоднозначности, горечи и красе.

Васич в своем путевом очерке тоже стремится представить театральную жизнь Москвы. Он выделяет молодого писателя Михаила Булгакова, которого «по его политическим взглядам причисляют к недовольным и контрреволюционерам, а по литературной работе – к сатирикам»². Свой роман «Белая гвардия» о судьбе одной семьи в годы гражданской войны Булгаков переработал в драму «Дни Турбиных», поставленную по рекомендации Станиславского на сцене Художественного театра. Власти, однако же, запретили показ спектакля в провинции. Безусловно, это была высшая степень толерантности советского режима к инакомыслящим деятелям искусства в конце двадцатых годов прошлого века. Всего через несколько лет в сталинских гонениях исчезло и это. Во время просмотра спектакля Васич замечает отношение публики, когда на сцене появляется актер в кадетской форме и начинает петь «Боже, Царя храни». Реакция публики, полуразличимая во мраке театрального зала, намекает на состояние советского гражданского общества, принимающего новый режим, но при этом меланхолично вспоминающего старые времена. «На всех лицах было одно и то же выражение – выражение до слез трогательной нежности. Волнение, охватившее затрепетавших, но по-прежнему абсолютно сдержанных зрителей, ясно свидетельствовало об одном – появлении юноши в форме, похороненной и забытой десять лет назад, пробудило в них трогательные воспоминания о чем-то давно утраченном, чем-то старом, но по-прежнему любимом»³. В тех частях книги, где Васич оставляет публицистический, информационный стиль и – как писатель – говорит на литературные темы, образы Красной России уже не утвердительные, а глубоко шокирующие, лиричные, порой абсолютно противоречивые. Вопреки монолитности государственной идеологии и декларативной приверженности справедливости и свободе, перед нами предстает общество с глубинными разногласиями, моральной сумятицей и тлеющим недовольством.

Как в путевом очерке Васича, так и в путевом очерке Стояновича Россия с ее историей и социальной ситуацией того времени порой предстает как большая театральная сцена, переполненная яркими персонажами. Прогуливаясь в восхищении по залам русских музеев в Москве и Ленинграде, Сретен Стоянович ощущает, что на самом деле эти выставки – «большая театральная сцена, на которой веками разыгрывалась и продолжается по сей день реалистическая драма из жизни русского народа, представленная в картинах и скульптурах»⁴. Он с любопытством знакомится с произведениями искусства, созданными после Октябрьской революции, обращая внимание и на старинные русские иконы. В Эрмитаже Стоянович

¹ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 46.

² Васић Д. Утисци из Русије. С. 61.

³ Васић Д. Утисци из Русије. С. 62.

⁴ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 42.

обнаруживает картину, вдохновенную историей Балкан. Это портрет черногорского воеводы Филиппа Премовича 1876 г., написанный Василием Дмитриевичем Поленовым.

В отличие от Стояновича, посещающего художественные музеи, Васича больше интересуют исторические музеи, например Музей революции в Москве. Следя за историей рабочего и революционного движений, он размышляет о великих исторических волнениях, которые переживает русский народ:

«Перед нашими затуманившимися глазами шевелилась, боролась, до смерти билась разъяренная человеческая масса, объятая небывалым пламенем страсти, всех желаний, стремлений и ориентаций. Когда осмысленная, когда бессмысленная и совсем непонятная развивалась, запутывалась и распутывалась эта единственная в своем роде борьба белых и красных. И ум за разум заходил у нас оттого, что так только в России может быть. Тот хаос, ту мятежную эпоху, прежде всего, и должен представить себе каждый, кто хочет понять эту Россию, сегодняшнюю»¹.

В путевом очерке Стояновича одна из глав посвящена и советскому кино. Сербский автор отмечает, что в новом советском государстве это самое молодое искусство развивается очень быстро и динамично. Помимо игровых фильмов снимаются и научные, а также фильмы, используемые для политической пропаганды. После просмотра нескольких игровых фильмов Стоянович приходит к выводу, что у них, как правило, неразвитый сценарий, однако компенсировать это удается выдающейся актерской игрой и режиссурой. Сравнивая их с американскими фильмами, которые он имел возможность посмотреть в Белграде, в основном развлекательного, мелодраматического или приключенческого содержания, Стоянович приходит к выводу, что русское «седьмое искусство» совершенно иное. Оно хочет показать правду и красоту жизни обычного человека, который сталкивается с серьезным экзистенциальным кризисом:

«Русские фильмы, которые я смотрел, были не только для развлечения, в их историях было что-то конкретное, поучительное, правдивое и гуманное. Я считаю, что их фильмы будут пользоваться в мире все большей популярностью. Западная публика пресыщена технически успешными фильмами-пустышками со стереотипными завязками»².

После просмотра фильма «Мать» по роману Максима Горького режиссера Всеволода Пудовкина, возвращаясь в гостиницу, Стоянович незапланированно посетил церковь:

«В таком состоянии я оказался перед какой-то церковью. Я услышал колокола и вошел внутрь. В церкви на коленях молились старики и старухи, пел небольшой хор. Я купил свечи и перед старинной русской иконой зажег их за упокой души моей матери и отца, всю жизнь мечтавших о золотых куполах московских храмов. Я постоял несколько мгновений, затем вышел, еще более взволнованный»³.

Грандиозное празднование десятилетия революции также произвело неизгладимое впечатление на сербских авторов. По Красной площади, словно по большой театральной сцене, маршировали военные, партийные, профсоюзные и другие делегации в безупречном порядке и с отточенной хореографией. «Словно во сне, среди струящегося тумана и прожекторов красноармейцы на конях напоминали бесконечную бурную красную реку, бурлящую как во время наводнения»⁴.

¹ Васић Д. Утисци из Русије. С. 95.

² Стојановић С. Импресије из Русије. С. 57–58.

³ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 61.

⁴ Стојановић С. Импресије из Русије. С. 62.

Авторы присутствовали при установлении режима, демонстрирующего свою тоталитарную мощь через такие массовые манифестации. Эффективным оружием для направления и контроля сознания являются лозунги, которые Васич замечает со всех сторон, не только на митингах, но и в государственных учреждениях, от детских садов («Мы – дети Ленина, мы – новый мир») до тюрем и казарм, на стенах которых размещены панно из картинок, посланий и лозунгов. Изучая монтаж медийных стереотипов и стандартизированных сообщений в западном искусстве, французский философ Жак Рансьер отмечает, что его цель – «дать людям возможность почувствовать формы насильственного господства одного класса»¹. В Советской России такой монтаж был осуществлен как часть политической практики диктатуры пролетариата. На праздновании десятилетия революции тоталитаризм, как подчеркивает Васич, обнаруживает свое репрессивное лицо, тенденциозно вызывая страх. Стоянович также описывает лозунги, которые несут в процессии рабочие. Кроме лозунгов есть еще и необычные большие карикатуры на министра иностранных дел Англии Джозефа Чемберлена.

«Стемнело, и загорелись прожекторы, освещая то Кремль, то чудесный храм Василия Блаженного. Рабочие проходили организованно, в колоннах. Все они несли с собой свидетельства прогресса фабрик, на которых они работали, и у всех было по карикатуре на Чемберлена, ставшего самым известным человеком в России. Кажется, что прошли сотни таких карикатур различных форм, высмеивающих Чемберлена»².

Возвращаясь на поезде назад в Белград, Стоянович пишет, что, несмотря на множество противоречий, перед современным русским искусством стоят большие творческие вызовы, оно ищет новые возможности самовыражения, даже если и допускает иногда в этом поиске ошибки:

«В моем сознании все еще запечатлен образ этой огромной страны, где были большие различия между дворянами и крестьянами, и теперь, когда эти первые насильно изгнаны, создается впечатление, что весь народ хочет подняться высоко, опередить всех остальных. Размыслите и поймите, сколько для этого нужно усилий, сколько невинных сердец погибло или еще погибнет в этой растущей массе. Тем не менее мне кажется, что художественная жизнь России сегодняшней находится в высочайшем напряжении, в то время как Запад занимается поверхностными вещами»³.

Его спутник, Васич, в конце своего путевого очерка еще раз подчеркивает, с одной стороны, противоречия между прогрессом и стабилизацией советской государственной администрации и экономики и, с другой стороны, все более заметное духовное опустошение. Хотя официальные лица и производят впечатление ясной и решительной приверженности построению нового общества, Россия кажется Васичу намного более сложно устроенной и загадочной.

«Явлениями, которые то очаровывают своей привлекательностью, то пугают до глубины души своими темными сторонами, Россия мучает любого, кто хочет в ней разобратся и оставить с ясно и несомненно определенными выводами и решениями»⁴.

Свои сомнения Васич разрешает, вспоминая слова Гоголя: «Русь! Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему!»⁵

¹ Rancière J. Politique de la littérature. Paris: Galilée. 2007. P. 35.

² Стоянович С. Импресије из Русије. С. 62.

³ Стоянович С. Импресије из Русије. С. 78–79.

⁴ Васић Д. Утисци из Русије. С. 103.

⁵ Стоянович С. Импресије из Русије. С. 104.

Оба путевых очерка являются важным литературным и документальным свидетельством образа Советской России, сформированного в глазах сербской культурной общественности в период между двумя мировыми войнами. Образ этот неоднозначный. В нем и восхищение новым русским искусством и мощью социалистического государства, и беспокойство из-за растущих политических и идеологических разногласий, угрожающих единству славянских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Blanton C.* Travel Writing: The Self and the World. New York: Routledge, 2002. 166.p.
- Vasić D.* Утисци из Русије. Београд: Живот и рад, 1928. 105 с.
- Гвозден В.* Српска путпосна култура 1914–1940. Београд: Службени гласник, 2011. 339 с.
- Ћованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русское Зарубежье: Русский путь, 2005. 487 с.
- Rancière J.* Politique de la littérature. Paris: Galilée, 2007. 231 p.
- Стојановић С.* Импресије из Русије. Београд: Новости, 1928. 79 с.
- Теших Г.* Случај Руских поворки Станислава Винавера // Винаверово огледало. 2017. №2. С. 252–267.

REFERENCES

- Blanton C. (2002) Travel Writing: The Self and the World. New York. Routledge. 166 p.
- Vasić D. (1928) Impressions from Russia. Belgrade. Zhivot i Rad Publ. 105 p.
- Gvozden V. (2001) Serbian Travel Literature. 1914–1940. Belgrade. Sluzhbeni Glasnik Publ. 339 p.
- Yovanovich M. (2005) Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940. Moscow. Russkoe Zarubezh'e: Russky Put Publ. 490 p.
- Rancière J. (2007) Politique de la littérature. Paris. Galilée. 231 p.
- Stojanovich S. (1928) Impressions from Russia. Belgrade. Novosti Publ. 79 p.
- Teshich G. The Case of Stanislav Vinaver's Russian Processions. *Winaverovo Ogledalo*. 2017. No 2, pp. 252–267.

Сведения об авторе:

Предраг Петровић,
доктор филол. наука
ванредни професор
Филолошки факултет
Универзитета у Београду

Предраг Петровић,
доктор филол. наук
доцент
филологически факултет
Београдског универзитета

Predrag Petrović
Doctor of Philological Sciences
Associate Professor
Faculty of Philology
University of Belgrade

611pedja@gmail.com